

Глава 1

Все-таки неплохо я придумала — взять отпуск и приехать в город, в который мечтала попасть с самого выпускного в школе!

Питер, я уже с тобой и наконец-то выспалась.

Блаженно вытянувшись на кровати и подставив пяточки проникающему через окно солнышку, я стала в полудреме вспоминать, как приземлился самолет и как в ночь-полночь наконец-то добралась до гостиницы, в которой заранее зарезервировала номер. Слава Интернету с большой буквы — такие вещи сейчас делаются с полуклика. Да и март — не самый туристический сезон для таких городов, как наша вторая столица, поэтому найти подходящую гостиницу в центре города проблем не составило.

Можно было бы, конечно, махнуть в Анталию или куда-нибудь в Европу, но не люблю я длинных перелетов. Ну, разве что для дела будет нужно. В Питере же давно хотелось побывать, а тут такая возможность — уже целую

неделю не было ни одного клиента. Так что ж мне зря время-то терять? Еще недельку побездельничаю, поброжу по улочкам города, в музеи схожу, чтобы, значит, себя, любимую, культурно развить. Не все же жуликов ловить да неверных мужей-жен выслеживать.

В этом году зима была холодная и суетливая, работы было по горло, и выспаться не всегда удавалось. Вот, даже темные круги под глазами появились. Да еще эта ссора с Вадимом... М-да, недолго музыка играла... Вечно тебе, Татьяна Александровна, на любовь не везет. Но зато денежки ко мне так и липнут! Заказов этой осенью и зимой было просто завались. Правда, все какие-то скучные. Ни тебе погонь, ни шпионских страстей. Так себе работенка — проследить, присмотреть, уличить, вернуть... Но зато клиенты оказались все как один щедрые — и на гонорар, и на премиальные. И это — прекрасно, так как теперь я могу все эти денежки тратить не только на расследования, но и на себя.

Питер...

Я с удовольствием потянулась. Этот город всегда был для меня чем-то загадочным и притягательным. Часто я представляла его как нечто среднее между туманным Лондоном с его узкими улочками, мостами и музеями и солнечным Парижем с его широкими площадями, множеством кафешек и творческим бомондом. Поэтому решила, что убью сразу двух

зайцев, если махну на недельку в Северную столицу.

Заветный мешочек с игральными костями лежал на тумбочке рядом с кроватью, но узнать, что мне сулит сегодняшний день, совсем не хотелось. Вернее, я и так знала, что меня сегодня ждет чудесное знакомство с городом моей мечты и вполне заслуженное безделье. Тут уж, как говорится, к гадалке не ходи.

Проснувшись окончательно, я посмотрела на часы. Ого! Я проспала целых десять часов, и сейчас — уже почти время обеда. Но есть я не хотела. Зато страсть как потянуло на кофе. Привычка есть привычка. Без этого напитка я и шагу не могу ступить, а уж если говорить о мыслительном процессе, так он и во все замедляется, если вовремя не влить в себя пару чашечек черного эспрессо из ароматной арабики.

— Какой у вас план, мистер Фикс? — зада-
ла я сама себе вопрос, вспомнив один мультик из своего далекого детства, и сама же на этот вопрос и ответила, копируя интонацию голоса коварного, но незадачливого сыщика из этого мультя: — О, у меня целых три плана! Сначала — сходить в душ, потом — выпить кофе в кафе-ресторане напротив, а затем — найти какую-нибудь контору по прокату автомобилей. Не на метро же по городу мотаться. Там, под землей, его и не рассмотришь как следует.

Энтузиазм из меня так и сочился...

Что же, с задачами я определилась, осталось только их выполнить.

Через полчаса, выходя из номера, я столкнулась с непреодолимым препятствием в виде огромного черного лохматого кота, вальяжно раскинувшегося на пороге. Обойти его не было никакой возможности, а переступить через котика было бы не совсем хорошей идеей. А ну как он испугается и метнется убежать в самый неподходящий момент?

Интересно, разве в отелях можно держать животных? Я задумалась, как мне быть, а кот даже и не собирался освобождать проход и продолжал лежать и щуриться в блаженной истоме. Пришлось мне присесть на корточки и почесать наглецу пузо, чтобы хоть как-то привлечь его внимание к своей персоне.

Кот мрачно и с нескончаемой скукой во взоре посмотрел на меня и тяжело вздохнул: мол, ходят тут всякие, думать мешают.

Пришлось мне поступить с котейкой бесцеремонно и сдвинуть его с порога, чтобы наконец-то выйти и закрыть дверь номера. Кот, словно он был ковриком, а не живым существом, даже с места не сдвинулся и продолжал валяться. Только кончик хвоста, выдавая его недовольство, стал нервно подрагивать. Ну и ладно, подумаешь, пан-барон какой.

Уже через десять минут я входила в двери «Caffe Italia». Многообещающее название, да и интерьерчик ничего себе — аккуратненький

и вполне даже в стиле «пицца-итальяно». Посмотрим, какой у них тут кофе.

Я села за столик у окна и стала ждать, когда подойдет кто-нибудь и примет у меня заказ. От нечего делать рассматривала меню на предмет, чем можно тут у них пообедать, если вдруг придет такое желание. Подходить ко мне, правда, никто не торопился, видно, тут туристов уже чуюли по запаху, поэтому пришлось самой проявлять инициативу. Кроме кофе заказала себе еще песочный пирог с грушей и стала с любопытством смотреть на улицу.

Как все-таки хорошо иногда бывает никуда не торопиться! Сидишь себе, смотришь в окно, жмуришься на яркое солнышко и ждешь, когда тебе принесут твой любимый напиток-наркотик — кофе. Вот мимо окна пробежал взъерошенный мужчина, похоже, спешивший на троллейбус, который только что, немногим опередив его, проехал мимо. Вот процокала на тонких шпильках стройная девица в стильных джинсах и куцей кожаной курточке, вся обвешанная разноцветными пакетиками и сумочками, вызывая своим видом ассоциацию с новогодней елкой. А вот...

— Пожалуйста, ваш заказ. — Голос официанта вынудил меня повернуть голову от окна и посмотреть на него.

Парень, далеко не итальянской внешности, поставил на столик кофейник, чашечку и блюдо с куском пирога.

И только я начала наливать себе в чашку горячий кофе в предвкушении наконец-то влить в себя первую на сегодня порцию обожаемого мной напитка, как над самым моим ухом раздался громкий, с нотами восхищения голос:

— Танька! Иванова! Это ты, что ли?!

От неожиданности я чуть кофейник не выронила из рук. Поднимаю голову, а передо мной стоит та самая модная девица с пакетами и сияет улыбкой до ушей как новенький рубль.

Вот ведь, была первая мысль, — и тут, Татьяна, тебя все знают! Но оказалось, что это не патетические «все», а только... Я с трудом ее узнала.

— Васька! Это ты, что ли? — задала я девице, которая оказалась моей одноклассницей Василисой Золотаревой, тот же глупый вопрос, что и она мне всего секунду назад. Да уж, вот так сюрприз.

Василиса, или попросту Васька, как звали ее все одноклассники, да и ее родной отец тоже, пропала с горизонтов сразу же после окончания школы, и никто о ней ничего знать не знал и ведать не ведал. Ходили слухи, что она учится где-то в Москве, но и эти слухи были зыбки, а сведения расплывчаты. И вот после стольких лет я встречаю ее в Питере, куда и приехала-то чисто спонтанно, просто чтобы деньги потратить и отдохнуть. Можно

сказать, случайно приехала, и тут такой сюрприз — Васька собственной персоной, да еще в каком виде-прикиде!

Надо сказать, что узнать в этой стройной дамочке свою одноклассницу было очень непросто. Изменилась она весьма круто, можно сказать, на все сто восемьдесят градусов. Я знала Василису как чуть полноватую, неказистую девчонку с бледными конопушками на щеках и носу, пшеничными тонкими чуть вьющимися волосами, всегда стянутыми в два хвостика по бокам и одетую в вечно мешковатую одежду. А ее задиристый характер и манера держаться всегда напоминали мальчишку. Наверное, сказывалось воспитание отца, который растил ее один и видел в ней больше сына, чем дочку. Училась она не блестяще, но все же ходила в хорошистках, и единственное, чем привлекала внимание наших мальчиков — это своим полиглотством. Иностранные языки давались ей так просто, что, тогда как все с трудом пытались «въехать» в основы английского или хотя бы немного понять французскую речь, Василиса с легкостью шелкала оба этих языка, а в придачу к ним еще и немецкий с итальянским. И все эти языки давались ей легко, как бы между прочим. Все учителя пророчили ей карьеру в Министерстве иностранных дел, а одноклассники полушутя предлагали поступить в Академию ФСБ и работать агентом

под прикрытием. Естественно, к ней всегда была очередь с домашним заданием по инязу, и она никому не отказывала. В общем, была своим парнем.

Теперь же передо мной стоял ангел во плоти. Тоненькая, стройная молодая женщина, с модной прической, идеальным маникюром и макияжем и, что главное, настолько женственная, что называть ее Васькой у меня язык не поворачивался.

Она же, пока я, обалдев, пялилась на такое дивное ее преобразование, успела сесть напротив меня и даже сделать заказ официанту, который проявил в этот раз куда как большую расторопность, чем со мной. А как же! От Василисы пахло деньгами за версту — с ее-то внешностью и прикидом, а значит, и чаевые предполагались немалые. А от всяких там туристочек вроде меня разве что пара рублей лишних перепадет.

— Таня, я так рада тебя видеть! Ты какими судьбами к нам заброшена?! — тормошила меня Василиса.

Все свои многочисленные пакетики она свалила в кучу рядом с собой и теперь пыталась меня обнять, перегнувшись через столик.

— К нам? — удивилась я. — Ты что, в Питере живешь? Ходили слухи, что ты в Москве учишься, вернее, училась.

— Ну да, училась на инфаке в МГУ. И даже поступила на бюджет. Но, сама ведь понима-

ешь, нужно было самой еще как-то крутиться. У отца денег нет, чтобы меня содержать, а Москва — город дорогой. Вот я и подрабатывала то тут, то там по вечерам. То в московских кафе официанткой, то в питерских художественных натурщицей на каникулах. Не в стриптизерши же идти! — Она рассмеялась.

— А как в Питере-то оказалась? Работу тут нашла? — поинтересовалась я, все еще пребывая в небольшом шоке от Васькиной метаморфозы.

— Нет, я сначала на третьем курсе перевелась на заочку и переехала жить в Питер, а три года назад вышла замуж за очень хорошего человека и за гениального художника. Коренного питерца! Ты, может, слышала — Александр Вишневский. Так что я теперь не Золотарева, а Вишневская. Муж преподает еще и в репинской Академии художеств. Кстати, там я с ним и познакомилась, будучи натурщицей у его студентов. А ты-то какими судьбами здесь?

Что ж, пришлось и мне все рассказать о себе. Василиса пришла в восторг, узнав, что я частный детектив.

— Невероятно! Кто бы мог подумать! Но, знаешь, ты всегда для меня была загадкой. Вся такая независимая, со своим собственным мнением, упертая. Пока не выйдет потвоему — никогда не отступала. Наверное, это здорово помогает в расследованиях.

Она немного задумалась, отпила остывший уже травяной чай и, неожиданно встрепенувшись, твердо заявила:

— Тебе обязательно нужно выписаться из этой твоей гостиницы и поселиться у меня. Надолго ты приехала? На неделю? Отлично! Мы с мужем уезжаем в Эмираты отдыхать только в начале апреля. По мелочам, — она кивнула на кучку пакетов, — я уже все, что надо, купила и могу покатасть тебя по городу, показать все самое интересное и невероятное, что есть в Питере. И ты деньги сэкономишь, и мне будет интересно с тобой пообщаться, а муж нам с тобой билеты в Мариинку достанет. У него там знакомых — куча. Культурную программу составим у меня, — тархтела Василиса. — Я тебе все расскажу — что сейчас работает, куда вообще тут можно сходить и что посмотреть. Согласна? — И, видя мою нерешительность, просяще-жалобно протянула: — Ну, Танечка, давай соглашайся. Расскажешь про свою работу...

— А муж твой не будет возражать против вторжения незваной гостьи? — с подозрением спросила я.

— Ой, ну что ты. Конечно же, нет! Он только рад будет, что я не одна. Да и вообще, он у меня знаешь, какой добрый! Да и ты не незваная гостья. Я же тебя сама к нам позвала.

Я задумалась, прикидывая выгоду этого предложения. Единственное, что меня сму-

щало — это ее просьба рассказать про работу. Ей-то эти все сыскные дела в новинку, романтика и все такое, а я-то ведь вроде как в Питер отдыхать от своих суровых будней приехала.

— Ладно, — решила я. — Но только с двумя условиями. Первое: про работу не буду рассказывать и второе: если я вас не стесню и буду давать деньги на свой прокорм.

Василиса чуть не в ладоши захлопала от радости.

— Все, все, условия принимаются! Квартира у нас большая. Ты не пожалеешь, да и мне так хочется пообщаться с кем-нибудь из старых знакомых. Отец к нам переезжать не захотел, работа, говорит, да и привык уже один жить. А с одноклассниками я давно связь потеряла. Муж все время в работе — или в студии, или в Академии, не ходит со мной никуда. Подруг я так и не завела. Характер, наверное, не тот, не питерский. — И Василиса смущенно замолчала. — В общем, *i'm still a stranger here*, что в переводе означает: «я все еще здесь чужая».

Глава 2

Из гостиницы я выписывалась с боем. Когда я попросила девушку на ресепшене меня рассчитать, она сделала стеклянные глаза и заявила, что если я готова оплатить номер за всю ту неделю, что я должна была

там проживать, то она готова сделать это с радостью.

Я впала в ступор от такой наглости и, едва сдерживаясь, чтобы не нагрубить, поинтересовалась:

— Интересно, когда это правило начало действовать в вашем отеле? Я что-то не помню, где это прописано. Может, покажете документ?

Дежурная посмотрела на меня как на ненормальную, которая пытается спорить с лечащим доктором, что только еще больше меня взбесило.

— Вы зарезервировали номер на неделю. Так? — спросила она тоном преподавателя, поясняющего теорему Пифагора. — Мы отказывали в заселении в наш отель другим желающим, потому что номер был уже занят. Если вы сейчас выпишетесь, то мы понесем убытки. Поэтому или вы выплачиваете всю сумму полностью, или остаетесь на срок, который указан в заявке на бронирование, — заученно отчеканила девушка, снова посмотрела на меня своим фирменным взглядом и тяжело вздохнула: мол, ездят тут к нам всякие и правила нарушают.

— Что-то я не увидела у вас тут кучу туристов, желающих поселиться, — съехидничала я, озираясь по сторонам. — Можно подумать, что мой номер — единственный во всем отеле.

— Когда вы въезжали, вам давали подписывать правила нахождения на территории нашего отеля. И в них вот тут, — она сунула мне под нос бумажку и показала на мелко напечатанные буквы, — написано, что, съезжая от нас раньше оговоренного срока бронирования номера, постоялец обязан оплатить отелю полную стоимость проживания за дни, не использованные им, если причина его отъезда не является уважительной.

Я задумалась над трактовкой и хотела было уже резко ответить девушке в духе моего любимого героя Остапа Бендера — фразу про ключ от квартиры, где деньги лежат, но тут в фойе вошла Василиса и направилась ко мне.

— У тебя какие-то проблемы? — спросила она озабоченно, но потом посмотрела вниз и улыбнулась.

Я проследила за ее взглядом. Возле стойки ресепшена стоял тот самый черный лохматый кот, который встретился мне утром на выходе из номера и ласково терся о ее ноги.

И вдруг меня осенило.

— Девушка, — воскликнула я возмущенно, — у вас на сайте почему-то не указано, что в вашем отеле есть животные, которые расхаживают по нему, как у себя дома!

— Какие животные? — взвилась администратор.

— Вот, — указала я на кота. — Он сегодня валялся прямо на пороге моего номера.

А у меня на кошек аллергия! Так что причина съехать у меня очень даже положительная. Давайте оформляйте, а я за вещами пошла.

Подмигнув растерянной администраторше, я быстро развернулась и отправилась в номер за вещами и документами, надеясь, что, пока девушка соображает, что ответить, я уже буду ехать в лифте на свой этаж.

На улице, когда мы садились в симпатичный голубенький «Фольксваген-жук» Василисы, она немного виноватым голосом спросила у меня:

— Тань, а у тебя что, и правда аллергия на кошек? Просто...

— У меня, Васька, аллергия на хамство, наглость и жадность, — не дала я ей договорить. — А котик вполне себе милый, мы с ним утром даже подружились.

— Уф! — Василиса вздохнула с облегчением. — Понимаешь, просто у нас дома два кота. Вернее, кот и кошка. Но Плюшку, которая у нас не так давно стала мамой трех котят, мы вчера вместе со всем ее выводком на время отдали маме Алика. — Увидев мой удивленный взгляд, она смутилась: — Это я мужа так зову. В общем, его мама сейчас за город поехала жить, и ей там скучно одной, а Плюшка так просто обожает свободу и природу. Не в пример Перси. Тот у нас избалован мужем донельзя, разъелся и, вообще, большой любитель на диване поваляться.

— Как и многие мужчины в этом подлунном мире, — вставила я. — Послушай, а Алик твой что рисует? — Уловив ее непонимающий взгляд, я пояснила: — Ну, портреты, там, натюрморты или... — Я неопределенно помахала рукой, давая понять, что, может, он, вообще, абстракционист.

— Ой, Танька, — рассмеялась Василиса, — ты что, и вправду не слышала про художника Александра Вишневого? Да его вся Россия и зарубежье знают как кошатника!

— Он что, кошек разводит? Заводчик? — опешила я.

— Да не разводит, а рисует. Петербург и кошки — это же... синонимы! — нашла, наконец, удачное слово Василиса. — Его картины такие классные! Он кошек так обожает, что прямо жить без них не может! А как люди картины его покупают, ты бы знала! В общем, мы уже скоро приедем, и ты сама все увидишь. Вон, видишь наш дом, — она указала на красивую многоэтажку, — а квартиры на самом верхнем этаже. Там и студия у Алика.

Ух, так много всего, а прошло ведь только два часа, как я проснулась! У меня даже голова начала кружиться от такой свободы и есть вдруг сильно захотелось.

— Слушай, Василиса, а может, мы в какой-нибудь ресторанчик неподалеку заглянем? — спросила я с надеждой в голосе. —

Я ведь как прилетела, так только кофе и успела выпить.

— Никаких ресторанов! — категоричным голосом заявила Василиса. — У меня дома есть ризотто с морепродуктами и бутылочка вина. — Она вдруг оборвала себя на полуслове и задумалась. — Слушай, а ты белое вино пьешь? Если нет, то мы сейчас по дороге заскочим в маркет. Тут рядом...

— Не переживай ты так, — успокоила ее я. — Я и белое пью, и красное, лишь бы компания была правильная. А ты, Василиска, правильная компания.

Я обняла ее и неожиданно для себя чмокнула в щечку. Васька даже слегка смутилась от такого моего дружественного тона. Хм, обычно такие нежности не в моих правилах, но, наверное, это ее обещание накормить меня в скором времени ризотто так подействовало.

Настроение, немного подпорченное перепалкой в отеле, резко подскочило вверх, и я вышла из машины в предвкушении скорого обеда и отлично проведенного отпуска в целом. Погода обещала быть солнечной, и это только добавляло оптимизма.

Выгрузив из машины все многочисленные пакеты и пакетики, которые Василиса свалила в кучу на заднем сиденье, и мои сумки, мы отправились к дому.

М-да, это вам не волжский городок Тарасов, где выше девятиэтажек только одна-

единственная на весь город шестнадцатиэтажка. Дом, где жила Василиса, был двадцатичетырехэтажным, и потому мне казалось, что едем мы в лифте целую вечность. Но вот кабинка остановилась, и я увидела, что на площадке всего две двери.

— А кто у вас соседи? — поинтересовалась я. — Тоже какие-нибудь музыканты-художники?

— Да нет у нас никаких соседей на площадке, — ответила Василиса, пытаясь достать из сумочки ключи и все время что-то роняя. — Вот ведь беда! Таня, поддержи. — И она сунула мне в руки еще пару пакетов. — Вторая дверь ведет в художественную мастерскую Алика и его кабинет, — пояснила она. — Мы просто соединили две квартиры в одну и две комнаты одной из квартир, — она опять махнула рукой в сторону второй двери, — оборудовали под нужды Алика. У многих художников в Питере студии находятся отдельно от квартир. Порой бывает, что квартира и студия даже в разных концах города. Но мы решили сделать так, чтобы он чаще бывал дома и я была у него всегда под рукой — чай ему принести или перекусить. Он, когда работает, про все на свете забывает. В жилые комнаты ведет свой отдельный вход, но муж всегда принимает заказчиков прямо в своем кабинете и запускает посетителей именно через эту дверь. Так удобней, — улыбнулась Василиса, наконец-

то открыла квартиру, облегченно вздохнула и пригласила: — Входи и будь как дома. Думаю, тебе у нас понравится.

Глава 3

Да, квартирка у Василисы была, доложу вам, та еще! Нет, в ней не было никаких сверхвычурных отделок, и на музей она не походила, но что деньги в нее вложили, и немалые, было видно сразу. Я, конечно, в разных там интерьерных стилях не очень разбираюсь, у меня в моей однушечке в Тарасове все просто и незатейливо. Квартира же, в которую я вошла, была словно с обложки новомодного журнала — просторная, светлая, окна большие, мебели — в меру, зато посредине зала стояло что-то вроде огромного стеклянного камина, а на дальней стене висел телевизор с большим экраном. Я такие огромные «плазмы» только по телику в рекламе видела.

Заметив, что я встала, как вкопанная, на пороге, Василиса немного нервно, как мне показалось, рассмеялась и сказала:

— Это хай-тек. В смысле, стиль такой. Я, когда училась еще на заочном, познакомилась с одним парнем, который учился на дизайнерском. Мы с ним очень подружились и до сих пор общаемся. Так это, — она обвела рукой пространство вокруг, — его дипломная работа.

Потом она, словно спохватившись, кинулась ко мне и взяла у меня часть пакетов.

— Тань, ты проходи. Пакеты на диван кинь, а сумку... в общем, пойдем, я тебе твою комнату покажу. Там у нас Валентина Яковлевна живет. Алика мама, — пояснила она. — Но я уже говорила, что она сейчас за городом, и комната пустует. Так что можешь располагаться там, как тебе удобно.

Я пошла к большому дивану из белой кожи, который стоял где-то в глубине всего этого огромного пространства, чтобы сложить туда пакеты, и тут прямо мне под ноги бросилось нечто большое, оранжевое и круглое.

От неожиданности я даже подскочила, попыталась увернуться и, поскользнувшись на светлом и блестящем, как стекло, полу, плюхнулась на пятую точку.

Василиса, которая уже стояла в дверях одной из комнат, оглянулась, услышав шум за спиной, и удивленно посмотрела на меня. Я же, в свою очередь, с удивлением смотрела на круглый шерстяной комок, который спокойно сидел и с любопытством рассматривал меня своими удивительно яркими голубыми глазищами.

— Перси! — всплеснула руками Василиса. — Как ты себя ведешь! Танечка, ты не ушиблась?

Она поспешила мне на помощь, а толстый рыжий кот тем временем даже усом не повел, чтобы хоть как-то отреагировать на вопрос

хозяйки, и все так же пристально смотрел на меня.

— Красавец, — похвалила я котика, пытаюсь встать на ноги.

— Это помесь регдолла с персом, — пояснила Василиса тоном настоящего знатока кошачьих пород. — А если по-простому, то дворняга. Такие помеси, хоть и редкие, но в среде чистокровных кошек не котируются. Но нам с Аликом он нравится.

Василиса помогла мне встать и, взяв толстого котяру на руки, отнесла его на диван, откуда он быстренько спрыгнул и посеменил за нами в комнату, которую мне выделили в качестве гостевого номера.

Спальня Васькиной свекрови была небольшой и уютной и мало напоминала новомодный «хай-что-то-там», что меня порадовало. Не представляю, как бы я спала в огромных стеклянно-бетонных и лишенных жизни хоромах, которые остались у меня за спиной. В комнате было чуть прохладно, как мне и нравилось, и довольно светло.

— Прекрасно, — оценила я, ставя свою сумку на пол возле аккуратно застеленной кровати. — Мне тут нравится.

Василиса радостно заулыбалась.

— Вот и отлично, пойду греть ризотто, а ты устраивайся.

Василиса вышла из комнаты, а толстый и наглый кот остался и стал смотреть на меня с

таким видом, словно я пришла в их квартиру с одной только целью — украсть у него любимую диванную подушку.

— Не надо на меня так смотреть, — обратилась я к котейке. — Давай я тебе лучше пузо почешу, может, ты тогда мне больше доверять начнешь.

Я нагнулась и протянула руку к коту. Тот, словно поняв, что я хочу сделать, тут же плюхнулся на спину и растопырил все четыре лапы, подставляя под мою руку свой живот, словно приглашая меня действовать смелее и погладить его. Не сказать, чтобы я была большая любительница кошек или собак, но с животными, причем любыми, предпочитала жить в мире и согласии. Тем более, что мне предстояло жить с этим толстым Перси под одной крышей не один день. Зная характер кошек, которые ревниво относятся к незванным гостям на их территории, мне не очень-то хотелось каждый раз, вставая утром с постели, ощущать под ногами сюрпризы от котика.

Где-то в глубине квартиры зазвонил мобильный телефон, и я услышала, как Василиса поспешила ответить на звонок.

— Алик, как хорошо, что ты сам позвонил! Я хотела тебе сказать новость. Что? Нет, я коротко. Понимаешь, я сегодня встретила в городе свою одноклассницу, представляешь! Из Тарасова. Мы так давно не виделись! Да. И я пригласила ее у нас пожить. Она в отпу-

ске... На неделю... Нет, что ты! Я вас вечером познакомлю. Ты ведь сегодня, как всегда, до семи? Отлично, тогда поужинаем все вместе. Я тебя жду. Целую.

Умывшись в ванной, что примыкала к моей спальне, я отправилась искать кухню и нашла ее по вкусным запахам, которые оттуда разносились практически по всей квартире.

— Уже целую неделю не могу дождаться, когда придет мастер и отремонтирует вытяжку, — пожаловалась мне Василиса. — Запахи по всей квартире расплзаются, а Алик не любит, когда что-то мешает ему работать. Он такой чувствительный ко всему!

«Интересно, — подумала я, — чем ему такие ароматы помешали? По мне — так очень даже приятный запах. Получше уж, чем всякие там скипидары или чем там художники краски разводят. Но, может, я слишком уж предвзято сужу. Может, это мне просто есть хочется, оттого я и ударилась в осуждение».

— Алик звонил, — сообщила Василиса, накрывая на стол и доставая из огромного, чуть не в полстены, холодильника всякие мисочки и контейнеры. — Сказал, что будет дома, как и обычно — к восьми часам. Так, — застыла она с очередной миской, — сегодня у нас среда, а у него по средам и пятницам студийцы. — Она утвердительно кивнула, скорее себе, чем мне, и продолжила: — Он в Академии курс по со-

временной живописи и графике читает и занятия практические проводит. Поэтому его в эти дни с утра до вечера не бывает. В остальное время он у себя в мастерской работает. Но мы с тобой сегодня уже никуда не поедим, а просто посидим и поболтаем, повспоминаем и план составим, куда нам пойти и что посетить в следующие шесть дней. Ты согласна или у тебя есть возражения?

Я, слегка огорошенная ее тирадой (не помню, чтобы в школе Василиса была такой многословной), целой кучей вкусовостей, стоящих на столе, и запахами, идущими от плиты, только молча кивнула в знак согласия.

— Ой, чего я тебе тут зубы заговариваю! — воскликнула Василиса, словно бы прочитав мои мысли. — Давай поедим, а потом уже все остальное.

И она наложила мне полную тарелку такого вкусного ризотто, что я чуть было язык не прикусила.

— Слушай, Васька, так вкусно! Ты сама это готовила? — пробубнила я с полным ртом.

— Сама, — смутилась Василиса. — Я тут все сама делаю: и убираю, и готовлю, и вообще...

И тут до меня дошло! Вот ведь как оно получилось! Василисе все пророчили блестящую карьеру, а она, закончив иняз в самом престижном универе нашей Родины, стала обычной домохозяйкой, можно сказать, прислужой

у какого-то художника, который зарабатывает на жизнь, рисуя кошек и котов.

«Ну надо же, какая жертва!» — подумала я, причем безо всякой иронии, а, скорее, с уважением.

Сама-то я не очень хозяйственная, но аккуратная. Клининговую компанию в свою квартиру только раз в квартал вызываю, а так-то сама стараюсь чистоту поддерживать. Да и работа у меня такая, что часто домой только поспать прихожу. И вот в связи с этим своим открытием у меня тут же к Василисе появилась куча вопросов:

— Слушай, Василиса, а почему ты на работу никуда не устроишься? Ведь у художников оно как, по моему мнению: сегодня — картины покупают, а завтра — ты уже не в моде. А на преподавательскую-то зарплату не сильно пошикуешь.

Спросила и сразу же пожалела. Вдруг она обидится, вдруг неправильно поймет, подумает еще, что я их деньги тут считаю.

Но Васька не обиделась.

— Знаешь, Тань, — сказала она, улыбаясь, — а давай с тобой вина выпьем. Я, в принципе, не пью, это мы с Аликом так, больше для гостей держим бар. Ну, там виски или коньяк, или вино для дам. Нет, ты только не подумай, что деньги — это для нас главное. Просто вот у тебя есть любимое дело, ты разных там жуликов и неверных мужей изобличаешь, а у Али-

ка любимое дело — живопись. Он уже больше двадцати лет картины пишет и продает. — Тут она увидела мой вопросительный взгляд и пояснила, слегка смутившись: — Алик старше меня на двадцать лет. И когда мы с ним познакомились четыре года назад, он жил в двухкомнатной квартире вместе с мамой и ездил от дома еще три остановки на троллейбусе, чтобы поработать в своей съемной студии. Но давай все-таки сначала выпьем, а потом я тебе дальше все про себя расскажу.

Мы выпили, и вино очень мне понравилось. Я, как и Василиса, не большая любительница спиртного, моя страсть — хороший кофе, но порой и вина полезно бывает выпить. Особенно когда узнаешь, что твоя бывшая одноклассница так круто изменила не только свою внешность и характер, но и всю, можно сказать, свою жизнь.

А жизнь у нее складывалась после школы очень даже непросто. Я уже говорила, что Ваську воспитывал отец-одиночка? Так вот, оказывается, какой бы наш класс ни был дружным, а о Ваське мы не знали и половины того, что она на меня сейчас вывалила.

Оказывается, она еще в последние три года учебы в школе начала подрабатывать, чтобы накопить деньги на поездку в Москву и на поступление в МГУ. Мечта у нее была такая — учиться на инфаке. И она к этой мечте шла упорно и методично. И если большинство из

нашего класса надеялись на поддержку родителей на время студенчества, то Ваське надеяться было не на кого. Поэтому и ходила она все время в одной и той же мешковатой одежде, поэтому и некогда ей было тусоваться с нами, что сэкономила Василиса тогда каждый свой заработанный рубль. Она мыла полы в магазинах, занималась репетиторством, подтягивая английский язык с теми, кому он не давался, помогала отцу на строительном складе, где он работал кладовщиком... А ведь надо было еще успевать делать уроки, вести дома хозяйство и готовиться к поступлению в МГУ, штудирруя и совершенствуя целых четыре иностранных языка!

Да, никогда не думала, что так можно! Я просто даже заужала Ваську. Но чем дальше она рассказывала, тем сильнее становилось мое к ней уважение.

Поступив на желанный факультет и блестяще сдав все экзамены, она не могла позволить жить себе только на одну стипендию. Москва — город дорогой, и чтобы снимать квартиру, студенты скидывались по двое, по трое, да так, вдвоем или втроем, и жили. Васька стала снимать квартиру с одной из девочек со своего же курса, но та, отучившись год, по какой-то причине решила бросить учебу, и хозяйка подселила к ней в двушку парня. Поначалу Василиса даже возмутилась. Она, мол, не может жить вместе с парнем в одной квар-

тире, на что хозяйка ответила: «Не нравится, ищи другое жилье». Ага, как будто это так просто! Впрочем, парень оказался очень даже аккуратным и вежливым, и постепенно Василиса привыкла к нему. Они подружились. Это именно он потом и подарил Василисе свой дипломный проект — дизайн квартиры, где она сейчас и живет. Вернее, он его ей посвятил. Дело в том, что когда-то она в разговоре с ним подробно рассказала, в какой квартире ей бы хотелось жить — когда-нибудь, когда появится такая возможность. Вот он и спроектировал все, как она хотела, а после сдачи дипломного подарил ей идею и даже помог найти тех, кто это осуществил в реальности.

— Слушай, это так романтично, — перебила я ее рассказ. — Он, похоже, был в тебя влюблен.

— Не знаю, — почему-то вдруг задумалась Василиса. — Может, и так. Но не важно. В общем, мы были и остаемся друзьями. А с Александром, с Аликом, я познакомилась, когда уже перевелась на очное отделение на третьем курсе и стала подрабатывать натурщицей в «репинке». И ты знаешь, все так естественно получилось! Все наше знакомство, и его ухаживания, и мой интерес к нему, как к зрелому, умному собеседнику и талантливому художнику. Но даже не это главное. Главное для меня — его характер и его отношение ко мне. — Василиса мечтательно улыбнулась. — До него

со мной никто так не обращался — как будто я ваза хрустальная или... Даже не знаю, как это рассказать. — Она вздохнула. — В общем, мы уже три года живем вместе, а как будто только вчера поженились, — рассмеялась она облегченно. — А насчет карьеры... Знаешь, Таня, наверное, когда-нибудь я и устроюсь куда-нибудь работать. Сама знаешь, с моими языкознаниями меня хоть в турагентство, хоть в Академию преподавателем возьмут. Но пока я решила, что буду все свое время отдавать мужу. Это тоже работа...

— Давай мы с тобой, Васька, за это и выпьем, — сказала я, немного даже завидуя Василисе.

У меня самой с любовью все не так просто складывается, как у нее. Как-то все не получается найти свою половинку.

Я тяжело вздохнула, и мы с Василисой выпили. А потом убрали посуду и болтали о пустяках, вспоминали своих одноклассников. Я рассказала ей о тех, с кем у меня есть связь, и о тех, о которых я слышала только краем уха.

Пить кофе мы перебрались в гостиную и там же стали намечать план мероприятий на следующие дни. Василиса мне много рассказала о городе, о разных знаменитостях, которые в нем живут и с которыми ей приходилось сталкиваться.

За разговорами мы даже не заметили, как наступил вечер.

— Ой, слушай, — вострепелась Василиса, — уже почти семь, скоро Алик вернется. Но пока он не пришел, я тебе покажу его студию. Так сказать, в качестве предварительного знакомства с мужем.

Глава 4

Чтобы попасть в студию, нам надо было пройти обратно в кухню и через нее уже выйти (как пояснила Василиса) в другую квартиру, размерами поменьше, чем жилая, но все-таки просторную и состоящую из двух комнат — из кабинета, где ее муж принимал заказчиков, и из собственно студии. Из кухни в кабинет вела дверь, которую я в первый раз не заметила, потому как все время сидела к ней спиной.

— Эта дверь у нас всегда закрыта, — пояснила Василиса. — Во-первых, чтобы ароматы с кухни туда не проникали, а во-вторых, чтобы из мастерской запах краски не попадал на кухню. Представляешь, чем бы тут пахло, если бы все эти амбре смешались в одно целое? И еще чтобы кошки на ту половину квартиры не ходили. Им туда вход категорически запрещен. Да, Перси? — обратилась она к коту, который все это время, что мы сидели на кухне, постоянно находился рядом и все время бдительно наблюдал за мной. Ну, мало ли, вдруг что-нибудь нечаянно уроню вкусенького. А он тут как тут.

Я не очень представляла себе и смесь запахов, и кошачье вторжение на запретную территорию. Да и не хотелось. У меня было такое мечтательно-расслабленное настроение, что я вообще ничего не хотела представлять, а только наслаждаться ситуацией, своим ничегонеделанием и мечтать о завтрашнем дне, о знакомстве с Питером, городом своей юношеской мечты. Со мной такое настроение случается вообще-то редко, обычно я живу в постоянной готовности куда-то идти, что-то делать или что-то обдумывать. Но пока я вот так расслабленно размышляла о своем настроении, мы уже прошли кабинет — комнату малопримечательную и, по моему мнению, весьма темную для такого рода помещения — и очутились в студии.

Я никогда не бывала в студиях художников раньше и вообще всегда была далека от всякого искусства. Мне как-то ближе прагматичность, логика, практическое применение разных вещей, чем всякого рода эфемерные образы и обтекаемые формы. Но то, что я увидела, сразило меня наповал. Студия была ну очень просторной и настолько светлой, что даже в вечернее время все предметы в ней были четко видны. Окно, без штор и занавесей, занимало всю стену, и панорама, которая открывалась из него, была потрясающе красивой на фоне уже заходящего солнца. Половина Питера лежала передо мной как на ладони.

Завороженная этим видом из окна, я даже не обратила внимания на множество разных картин, стоящих вдоль стен, пока Василиса не позвала меня, выведя из транса.

Я обвела глазами студию и впала в еще больший ступор. Было ощущение, что я попала в какую-то фантастическую страну, которую населяют только коты, кошки и котята. Это не были обычные изображения котеек в интерьере квартиры, где они сидят на диване или перед очагом, как я привыкла видеть на репродукциях классических картин, — это были потрясающе натуралистичные виды Питера, жителями которого являются не люди, а кошки! Они, а не люди были истинными хозяевами города. Одни вальяжно прохаживались вдоль Невского проспекта, другие были нарядно одеты, словно только что вышли из Мариинской оперы, третьи — бежали вслед за уходящим троллейбусом или праздно глазели на богато оформленные витрины магазинов. В общем, такую живопись я видела в первый раз. Впрочем, повторяюсь, я мало что в этом смысле и не очень-то интересуюсь искусством как таковым. Но все равно — это было потрясно!

Василиса же, словно не замечая моего состояния, стала показывать мне по очереди все работы мужа и говорила о каждой из них с такой гордостью и знанием всех тонкостей живописного искусства, что я даже опешила. ■

— Василиса, — встряхнула я головой, выходя из оцепенения, — ты что, хочешь сказать, что все эти пейзажи с котами сейчас в моде и стоят больших денег? И вообще, откуда у тебя такие познания в живописи? Ты же вроде как на инязе училась.

Василиса рассмеялась.

— Я жена художника, и этим все сказано, — ответила она весело. Но потом уже серьезно добавила: — Понимаешь, когда мы познакомились с Аликом, он продавал картины от случая к случаю. Ну, там, своим знакомым, еще кому-то... Или просто дарил. В общем, денег он на своей страсти к рисованию и не думал зарабатывать. Основной доход у него был от преподавания в Академии да плюс еще мамина пенсия. Но потом я стала знакомить его с ребятами из состоятельных семей. Сама понимаешь, что в МГУ таких, как я, «умников» училось не так уж и много, и за время учебы я подружилась со многими ребятами и из состоятельных семейств, — заметив мою удивленно приподнятую бровь, пояснила Василиса. — Так вот, им понравилась идея с котами, и они стали рекомендовать картины Алика своим родителям, а те, в свою очередь, своим знакомым... В общем, закрутилось так, что он только и успевал рисовать на заказ. В итоге — вот... — Она обвела рукой студию, давая понять, что все это упало к ним как снег на голову. — И теперь Алика знают даже в Европе.

— А там что? — спросила я, указывая на какую-то покрытую тряпкой треногу посреди студии.

— Ой, тут на мольберте работа, которую нам заказали десять или двенадцать дней назад. Алик прямо загорелся ею и не выходил из мастерской целыми днями. Закрывался, не давал мне даже взглянуть. Вот только сегодня ночью закончил и утром показал, что получилось. Даже краска еще не подсохла до конца.

Василиса подошла к треноге и аккуратно сняла холстину. На картине был нарисован вид из окна. Ну, как будто бы из окна. Но не из высотки, а из пятиэтажки, что ли. Потому что двор, изображенный на картине, был не современный, а как если бы он существовал в советское время — круглая клумбочка, песочница, качели и дерево — огромный тополь посреди двора. На картине вроде бы была нарисована весна, но я не уверена. Над тополем летала стая то ли грачей, то ли ворон. Под деревом, прямо в детской песочнице, лежала парочка дворовых песиков. А вот на самом дереве, вернее, на его ветвях (я прямо даже ахнула, когда это увидела), сидели, лежали, висели, зацепившись лапками за ветки, разноцветные коты.

— Коты прилетели, — гордо объявила Василиса.

— Чего? — не поняла я и глупо уставилась на Ваську.

— Картина так называется, — засмеялась она и пояснила: — Ну, как у Саврасова, помнишь? Только у него «Грачи прилетели», а у нас вот — коты. И угадай, сколько за нее обещают заплатить?

Я пожала плечами и предположила:

— Тысячи две баксов?

Василиса довольно улыбнулась.

— Не угадала! Промахнулась в сто раз!

— Двести тысяч? За вот это? — Глаза у меня быстренько полезли на лоб. — За несколько дней работы?

— Ага. Я сама была в шоке, когда Алик назвал сумму, — кивнула Василиса. — Заказчик из Мадрида, очень богатый и помешан на кошках. У него целая коллекция картин с котами. Причем художники не только современные, но и классики. Алик и сам был потрясен случившимся. Такой гонорар ему еще никто не предлагал. Получим деньги, и через пару недель — на южное море... — мечтательно проворковала Василиса. — Я еще никогда вообще-то на море не была, а тут решили сразу в Эмираты махнуть.

«Да, — подумалось мне, — я тоже на южных морях не бывала. Но мне и в нашем Тарасове неплохо».

М. Серова

Я вспомнила родной городок, из которого я уехала только сутки назад, мне вдруг страшно захотелось вернуться обратно. ■ В свою квартиру, к подруге Светке с ее бес-

конечными мечтами о замужестве и даже к приставучему, но очень честному полицейскому — Гарику Папазяну, моему другу и дыхателю по моим красотам. Эх, я бы сейчас даже согласилась с ним... в ресторан сходить один разок. Но потом я взяла себя в руки и решила, что раз уж я устроила себе отпуск, то доведу это мероприятие до победного конца.

Потом я и Василиса еще какое-то время обсуждали разные художественные достоинства картин ее мужа, а когда мы уже выходили из кабинета на кухню, она показала мне на дверь, которая находилась напротив письменного стола, и сказала:

— Видишь, это и есть тот самый второй выход из квартиры. Мы сами редко им пользуемся, но заказчиков запускаем только через него.

Посмотрев на часы, Василиса всполошилась:

— Ой, уже восемь! Сейчас Алик придет и будем ужинать. Я тут пока на кухне похозяйничаю, а ты, если хочешь, пока отдохни. Хоть в гостиной, хоть в комнате. Где удобней.

«Отлично, — подумала я, — надо взять тайм-аут, а то у меня от такого наплыва впечатлений голова кругом. Эх, кофе бы выпить! Ну да ладно, потерплю — не дома».

И я пошла распаковывать свои вещички да переодеться во что-нибудь полегче,

чем джинсы. Кстати, не мешало бы и гадальные кости кинуть. Что там меня завтра ждет?

Глава 5

В комнате, когда я в нее вошла, уже поселились сумерки, и мне пришлось зажечь свет. Я огляделась и на этот раз уже более внимательно осмотрела помещение, в котором мне предстояло жить целую неделю.

Комнатка, как я уже говорила, была небольшая. На полу лежал полосатый домотканый коврик, на окне висели светло-голубые полотняные шторы, рядом с кроватью с одной стороны стояло кресло-качалка, накрытая пледом, на котором лежала коробка, полная разноцветных клубочков. С другой — тумбочка, которая, в отличие от моей тумбочки в Тарасове, вечно заставленной всякой всячиной и чашками из-под кофе, была практически пустой, если не считать пары фотографий в резных рамках.

Я подошла и взяла одну из них в руки, чтобы хорошенько рассмотреть. На ней был изображен мужчина средних лет, в мужском кардигане, чуть лысоватый, но с приятным, по-детски улыбчивым лицом и добрыми голубыми глазами.

«Наверное, это и есть Васькин Алик», — подумала я и поставила рамочку на место.

На другой фотографии был запечатлен молодой улыбающийся паренек, очень даже симпатичный.

Позади меня что-то зашуршало. Я оглянулась и увидела, что из моей сумки, брошенной на полу еще в первый мой заход в комнату, на меня смотрят зеленые с прищуром глаза Перси.

Ага, наш пострел и тут поспел!

Я покачала головой и стала вытаскивать недовольного котяру из сумки. Потом поставила ее на кровать и начала доставать вещи, по ходу решая, во что бы мне такое легкое переодеться. В квартире было жарко.

«Наверняка полы у них тут с подогревом», — подумалось мне.

Кот же с хозяйским видом запрыгнул на кровать и стал с любопытством и, казалось, с саркастической усмешкой наблюдать за мной.

Наконец я выбрала, во что одеться, но мне понадобился уют. В комнате я его не обнаружила и решила сходить на кухню, чтобы спросить у Василисы, где его можно взять. Перси спрыгнул с кровати и потрусил вслед за мной.

Уже подходя к кухне, я почувствовала, что-то не то — слишком уж было тихо. Ни тебе запахов разогреваемого ужина, ни звяканья посуды... Тишина настораживала.

— Василиса, — позвала я и заглянула в кухню.

Васька сидела на стуле возле стола, словно замершая статуя, и остановившимся взором смотрела куда-то в пространство между холодильником и мойкой. На мое появление она даже не отреагировала.

— Вась, ты чего? — опешила я. — Что-то случилось?

Она, словно очнувшись от транса, посмотрела на меня, и столько в ее глазах было отчаяния и растерянности, что я и сама вдруг растерялась на мгновение, но потом сразу же взяла себя в руки и, присев возле нее на стул, решительно потребовала:

— Ну-ка, говори, что стряслось! Или мне из тебя клещами слова тянуть?

— Вот... — Губы у нее задрожали, и она протянула мне телефон.

Я взяла из ее рук гаджет и уставилась на темный экран айфона. Все еще ничего не понимая, я решительно скомандовала:

— Так, возьми себя в руки и скажи толком, что такого страшного у тебя приключилось!

Василиса всхлипнула как-то жалостливо и, забрав обратно у меня свой телефон, стала что-то там нажимать, а потом, с трудом сдерживая слезы, прочитала с экрана:

— Меня сегодня не жди, буду очень поздно, срочное дело. Это Алик написал, — пояснила она.

— И что ты расстроилась-то? — не поняла я Васькиных страданий. — Ну, дело срочное

появилось у мужа. Мало ли... Предупредил, и то хорошо. У многих мужья и этого сделать не соизволят, — успокаивала я Василису, вспоминая свою подругу Ленку, у которой муж, когда он у нее еще был, и по три дня мог домой не приходить, не утруждая при этом себя разными эсэмэсками и звонками.

— Такого с ним еще никогда не было, — жалобно пролепетала, почти прошептала Василиса. — Он всегда после Академии домой бежал. А все деловые встречи у себя в кабинете старался проводить. Только чтобы рядом со мной быть. И сегодня, когда мы созванивались, он сказал, что будет вовремя. Никаких срочных дел не намечалось. А тут... Я думала, что-то случилось с его мамой, и он к ней решил поехать, стала ему перезванивать, а он не берет трубку. А потом и вовсе отключил телефон.

Василиса растерянно посмотрела на меня, как бы спрашивая совета, что ей делать.

Я предположила:

— Может, просто телефон разрядился? Или он где-нибудь в таком месте, что не в Сети сейчас находится. Тогда автоматически отвечают, что абонент, мол, вне доступа Сети... Слушай, — пришла мне в голову идея, — а он у тебя не того... налево не ходок?

Спросила и сразу же пожалела об этом. Вот ведь ерунда какая!

Василиса так на меня посмотрела, что я чуть со стула не упала.

— Извини, — пробормотала я. — Я не хотела тебя обидеть, просто...

— Нет, ничего, — смягчилась Васька. — Я понимаю, что ты могла так подумать. Но Алик — он не такой. — Она вдруг хлопнула себя по лбу. — Вот я балда-то! Надо Валентине Яковлевне позвонить и узнать, как она там. Может, и правда что-то случилось!

Я облегченно вздохнула, а Василиса начала звонить свекрови.

— Алло, Валентина Яковлевна, как у вас дела? Отлично! Все нормально? Да, у нас тоже все хорошо. Алик вам не звонил? Нет? Нет, ничего, просто я думала, что он, может, к вам хотел приехать сегодня. Нет-нет, не собирался, но мы о вас говорили утром. Да, обязательно. Нет, мы еще не уезжаем. Только через две недели. Перси? Да, конечно же, мы вам его привезем перед отъездом. Ну, хорошо. Ладно, я ему передам, чтобы он вам позвонил.

Она отключилась и снова задумчиво уставилась в пустоту, словно что-то обдумывая и прикидывая. Потом повернулась ко мне и, встретив мой ожидающий взгляд, устало сказала:

— Нет, он ей не звонил и приехать к ней не собирался. Больше того, она сегодня днем звонила ему сама. Он рассказал ей, что у нас гости. Это он, наверное, тебя имел в виду... И потому сразу же после Академии он, нигде не задерживаясь, поедет домой... Но почему

эсэмэс? — неожиданно задала она сама себе вопрос. — Почему он не позвонил и не объяснил, какое такое срочное дело у него вдруг образовалось?

Василиса снова растерянно и вопросительно посмотрела на меня, словно я знала ответ на этот вопрос.

Я пожалала плечами и предположила:

— Может, он за рулем был и говорить не мог.

— Ну да, эсэмэс мог написать, а позвонить не мог, — горько усмехнулась Василиса. — Ты знаешь, я тут вдруг вспомнила... — продолжила она в задумчивости. — Алик в последнее время был сам на себя не похож. Все время вздрагивал, стал рассеянный, задумчивый, неразговорчивый. Он и так-то небольшой любитель пустословия, а тут... даже со мной стал меньше общаться, все в своей студии закрывался, с кем-то по телефону говорил, спорил. Обычно он не бывал против, чтобы я к нему в мастерскую приходила и смотрела, как он работает, а тут попросил меня оставить его одного, пока он картину не допишет. Я все время думала, что он старается работу скорее закончить и не хочет, чтобы его кто-то отвлекал... Но все равно — как-то странно все и неожиданно.

Я молчала, не зная, что ей ответить, и боясь что-то сказать не то и не так. Но Василиса и сама постепенно стала понемногу успокаи-

иваться, по всей видимости, решив, что, может, зря она паникует и все не так страшно, как сейчас ей кажется.

— Ладно, Тань, давай, что ли, ужинать, — наконец вышла она из задумчивости. — Подождем Алика, посмотрим, что он мне расскажет. Может, я себя просто накручиваю и потому выдумываю невесть что.

Я вдруг вспомнила, зачем, собственно, приходила на кухню, и спросила-таки про уют.

Пока я гладила вещи и готовила себе одежду для завтрашнего выхода в город, Василиса уже окончательно успокоилась и даже шутила во время ужина, рассказывая забавные истории про своих кошек.

Пить кофе мы снова пошли в гостиную и на этот раз устроились возле камина, который, несмотря на свой суперсовременный вид, был вполне даже настоящим, с живым огнем и ароматными дровами. Василиса ловко разожгла их, а потом, когда огонь разгорелся, принесла отличный ароматный кофе, который напомнил мне опять о моем приятеле Гарики Папазяне — полицейском армянского разлива, и я даже рассказала Василисе и о нем, и о его неудачных попытках меня соблазнить.

Мы много смеялись, но я все равно замечала в глазах Васьки некую грусть, и не раз на ее улыбку набегала тень тревоги за мужа.

Мне, конечно же, и одной неплохо живется. Я замуж как-то не очень тороплюсь, но, глядя на Василису, я все же немного ей похорошему завидовала и радовалась за нее.

«Надо же, как ей повезло в жизни, — думалось мне, — встретила хорошего человека, денег куры не клюют, живет в самом, по моему мнению, красивом городе России».

Но, согласилась я сама с собой, она всего этого достойна. Ведь ей столько пришлось пережить и в детстве, и в юности.

Расслабившись и слушая очередной рассказ Васьки об ее злоключениях в период учебы в МГУ, я почувствовала, что начинаю задремывать.

Василиса сразу же это заметила и вскочила, засуетившись.

— Ой, все, Таня, иди, ложись спать. Ты же сегодня, можно сказать, с дороги, и день был долгим! Вот носом уже клюешь. А я привыкла поздно ложиться. Сейчас чашки помою и пойду в спальню почитаю, Алика подожду. Иди уже, — повторила она, помогая мне подняться с белоснежного аналога медвежьей шкуры, что валялась возле камина и на которой мы сидели последние пару часов и болтали.

— Да, пойду спать, наверное, — промямлила я в ответ. — А то уже глаза слипаются. Значит, завтра в город? — уточнила я. — А то, если тебе некогда, так я сама как-нибудь...

— Никаких сама, — категорично заявила Василиса и засмеялась. — У нас план, и я обещала тебе все показать, так что... Все нормально.

Я сонно поплелась в свою комнату, а Перси, который ни на шаг не отступал от меня и с подозрительной миной сопровождал, куда бы я ни пошла, отправился за мной следом, игнорируя призывы Василисы остаться.

Перед тем как лечь, я все же по привычке своей знать, что день грядущий мне готовит, достала свой мешочек с гадальными костями и, стряхнув их на тумбочку у кровати, сонно уставилась на цифры $11+18+27$, которые сулили мне выгодное предложение от кого бы то ни было.

Скептически пробормотав что-то вроде «я в отпуске и не нужны мне никакие выгодные предложения, разве что в Кунсткамеру сходить», я легла в постель и скоро уснула.

Глава 6

Проснувшись я от непонятной тяжести в ногах и, думая, что это от того, что я лежу в неудобной позе, попробовала перевернуться и сменить положение ног. Не открывая еще глаз, я почувствовала, что нечто сильно придавило мои ноги к кровати и не дает мне ими шевельнуть.